

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет
Кафедра английской филологии и перевода

АРУТЮНОВА Ирина Аркадьевна

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ХАРАКТЕРИЗАЦИИ ГЕРОЕВ В
АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»
Выпускная квалификационная работа

Научный руководитель
д.ф.н., проф. Недялков И.В.

Санкт-Петербург
2016

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Основные подходы к изучению лексического значения слова.....	5
1. 1 Структура лексического значения слова.....	5
1. 2 Эмотивный и экспрессивный компоненты семантики слова.....	9
1. 3 Понятие оценочности.....	14
1. 4 Понятие переводческой эквивалентности.....	20
1. 5 Лексические трансформации, используемые для достижения эквивалентности перевода.....	25
В ы в о д ы п о г л а в е 1.....	28
Глава 2. Использование лексических средств для выражения характеристики героев в переводах романа Н.В. Гоголя «Мертвые души» на английский язык.....	31
2.1 Классификация средств, используемых для характеристики героев.....	33
2.1.1 Лексемы, выражающие черты характера героев.....	33
2.1.2 Лексемы, выражающие особенности поведения героев.....	37
2.1.3 Лексемы, выражающие особенности описаний внешнего вида героев.....	40
2.1.4 Лексемы, выражающие характеристики одежды героев.....	43
2.1.5 Лексемы, выражающие особенности описаний быта героев.....	47
2.2 Обобщение результатов проведенного анализа.....	54
В ы в о д ы п о г л а в е 2.....	55

Заключение.....	58
Список литературы.....	60
Источники примеров.....	62
Список словарей.....	63

Введение

Данная работа посвящена анализу перевода лексических средств, которые используются для выражения характеристики героев в романе Николая Васильевича Гоголя «Мертвые души».

Объектом настоящего исследования являются проблемы передачи различных языковых явлений в переводах с русского языка на английский. Предметом являются проблемы передачи средств характеристики героев в классической русской литературе на английский язык.

Актуальность работы связана с возрастающим интересом к русской культуре. Все больше и больше представителей других культур и носителей разных языков обращаются к изучению русской литературы. Рассмотрение переводов такого классического произведения как «Мертвые души» и, в частности, исследование переводов лексических средств, которые играют важную роль в раскрытии замысла автора, поможет получить представление о качестве переводов. Возможность понять, насколько точно мысли великого русского писателя передаются на английский язык, поможет в определении того, насколько успешно может быть понимание русских классических произведений представителями других культур. Проведенный анализ может также быть актуален и ценен для теории и практики перевода.

Научная новизна работы состоит в характере самого исследуемого материала (переводы романа Н.В. Гоголя на английский язык как объект исследования и анализа средств, используемых для характеристики героев). Проведенное исследование может расширить представления об особенностях перевода лексических средств характеристики персонажей в художественных произведениях.

Цель работы заключается в определении лексических средств характеристики героев и анализе способов перевода их на английский язык.

Цель исследования определила постановку следующих задач:

- 1) Изучить структуру лексического значения слова, понятия эмотивности и экспрессивности, понятия оценки и оценочности;

- 2) Проанализировать существующие точки зрения и определить понятие переводческой эквивалентности;
- 3) Изучить различные классификации эквивалентности;
- 4) Рассмотреть лексико-грамматические трансформации, используемые для достижения эквивалентной передачи стиля автора;
- 5) Систематизировать средства характеристики героев и проанализировать способы перевода данных средств в романе Н.В. Гоголя.

Материалом исследования послужили переводы романа «Мертвые души» на английский язык, выполненные Чарльзом Джеймсом Хогартом, Изабель Флоренс Хэпгуд и Робертом Магуайром.

Общий объем материала – 50 предложений на русском языке и переводы каждого из примеров, выполненные тремя переводчиками (150 переводческих соответствий).

В работе используются методы контекстного и компонентного анализа, метод описания лексики по тематическим группам, а также метод семантического анализа, в том числе анализа словарных дефиниций.

Настоящая работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы. Каждая глава сопровождается выводами. В заключении приводятся основные результаты исследований.

Глава 1. Основные подходы к изучению лексического значения слова

1.1 Структура лексического значения слова

Каждый читатель воспринимает художественное произведение целостно, однако целостное восприятие создается за счет особого внимания к отдельным составляющим произведения. Материалом любого произведения является язык, основной же единицей языка является слово, поэтому представляется необходимым определить, что такое слово и его значение.

Проблема определения слова является одной из самых важных проблем в современной науке. Единого понимания природы слова, общепринятого его определения в науке до сих пор не существует. Академик В.В. Виноградов считает, что слово – это «фокус, в котором отражаются все важнейшие свойства языка», «обозначение элемента действительности» (Виноградов 1977: 144) И.В. Арнольд под словом понимает «основную единицу языка, которая является формой существования понятия и выражением эмоции и отношения». (Арнольд 2002: 150). Связь слова с предметом реального мира заключается в том, что в лексическом значении отражаются основные признаки называемых предметов, наиболее существенные для отличия данного слова (и предмета, которое оно называет) от других (Уфимцева 1980: 92).

«Под лексическим значением слова понимается семантика знака (наивное понятие) и та часть его прагматики, которая включается в модальную рамку толкования. Лексическое значение слова обнаруживается в его толковании, которое представляет собой перевод слова на особый семантический язык» (Апресян 1995: 69). При этом стоит отметить, что наивная картина какой-либо части мира может существенным образом отличаться от логической, научной картины этой же части действительности, являющейся общей для людей, которые говорят на самых различных языках (Апресян 1974: 320). И.В. Арнольд определяет лексическое значение слова как «реализацию понятия, эмоции или отношения средствами языковой системы» (Арнольд

2002: 150). В самом понятии отображена реальная действительность, и значение слов связано с внеязыковой реальностью. Однако нужно учитывать, что понятие не соответствует значению плотностью, так как значение имеет лингвистическую природу и подразумевает наличие неконцептуальных компонентов: экспрессивные, эмоциональные и другие коннотации.

М.В. Никитин считает, что лексическое значение слова – это «общая неизменная часть (инвариант) в значении форм обязательного грамматического варьирования слова, номинируется одной из этих форм, способной нейтрализовать присущие слову обязательные грамматические противопоставления» (Никитин 1983: 120)

Лексическое значение слова представляет собой сложную структуру. По М.В. Никитину, «в совокупном содержании лексического значения различаются две части: содержательное ядро лексического значения, или его интенционал, и периферия семантических признаков, окружающих это ядро, его импликационал» (Никитин 1983: 24). Он сравнивает интенционал лексического значения с содержанием понятия в логике. Он отмечает, что импликационал – это признаки, которые актуализируются каким-либо контекстом.

Сложная структура лексического значения слова включает в себя его грамматическое значение – граммему, или грамматическую сему. Определяя общие и отличительные признаки сопоставляемых слов, мы можем выделить гиперсему – «элемент значения, указывающий на родовой, общий для всех признаков» (Горская 2009: 46). Кроме того, мы можем определить и признаки, которые указывают на различия между элементами одного класса, т.е. видовые семы, или гипосемы.

В структуру лексического значения слова входит также и стилистическое значение, или коннотация. И. В. Арнольд определяет коннотацию как «прагматическую информацию или субъективный элемент лексического значения социального, исторического, эстетического характера» (Арнольд 1989: 4). В.Н. Телия полагает, что коннотация – это «семантическая

сущность, узуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» (Телия 1986: 5). Коннотация слова представляет собой совокупность дополнительных оттенков смысла и эмоционально-экспрессивного компонента. Примечательно, что дополнительный оттенок смысла какого-либо слова может быть известен всем носителям языка, но в словаре он не фиксируется. Эмоциональная оценка связывается с «выражением чувств, интеллектуальных сравнений, отношения к действительности» (Горская 2009: 47). По Е.М. Галкиной-Федорук, само «познание действительности всегда сопровождается эмоциональной оценкой того, что познается» (Галкина-Федорук 1958: 104).

В.Н. Телия отмечает, что зачастую понятия экспрессивность и коннотативность выступают в лингвистических текстах как синонимы, однако очевидно, что «первое есть эффект, производимый за счет особых семантических компонентов, создающих этот эффект» (Телия 1986: 7).

По С.А. Горской, лексическое значение представляет собой единство языкового и неязыкового содержания. Оно воссоздает мир и связи между словами лексической системы какого-либо языка. В зависимости от этого представляется возможным разделить все лексические значения по связи, соотнесенности с предметом действительности, т.е. по способу наименования, или номинации на: 1) прямые и переносные; 2) свободные и связанные.

Прямые значения (основные) непосредственно отражают предметы и явления окружающей действительности. Границы употребления слов с прямыми значениями предельно широки, при этом их связи с другими словами могут быть разнообразны, а реализации не подчиняются контексту.

Переносные значения (которые также можно назвать производными, вторичными и неосновными) могут появляться, основываясь на

ассоциативных связях, которые возникают в сознании человека.

Разделяя значения на свободные и связанные, мы обращаем внимание на способ реализации этих значений в конкретном языке. По степени лексической сочетаемости значения делятся на относительно свободные и связанные (несвободные). Свободные значения – это значения, которые могут быть реализованы в любом контексте (они ограничиваются только самой логикой). К ним относятся все прямые значения слов. При этом связанные значения реализуются только в определённых контекстах. С.А. Горская выделяет следующие условия, от которых зависит реализация связанных значений: лексическое окружение слова, роль слова в предложении (синтаксическая функция слова) и грамматическая сочетаемость слова.

В соответствии с этим можно выделить три типа связанных лексических значений:

- 1) Фразеологически связанные значения – такие значения, которые «возникают у слов в определенных лексически неделимых сочетаниях» (Валгина и др. 2002: 10). Это узкоограниченный, устойчиво воспроизводимый круг слов, связи которых между собой определяются не предметно-логическими отношениями, а внутренними закономерностями, которые существуют в лексико-семантической системе. Слова с этим значением имеют довольно узкие границы употребления.
- 2) Синтаксически ограниченные значения или синтаксически обусловленные значения проявляются у слов в случаях, когда эти слова имеют определённую функцию. Это такое значение, которое появляется у слова при выполнении им необычной роли в предложении. Важен тот факт, что в развитии этих значений большую роль играет контекст.
- 3) Конструктивно обусловленные или конструктивно ограниченные значения «возникают только в условиях использования слова в определенной синтаксической конструкции» (Валгина и др. 2002: 10). Другими словами, это значения, зависящие от грамматических форм окружающих их слов.

По степени семантической мотивированности лексические значения

разделяются на немотивированные (другими словами непроизводные, идиоматичные) и мотивированные (или производные от первых). (Валгина, Розенталь, Фомина 2002: 11).

Кроме того, лексические значения можно также разделить по характеру выполняемых номинативных функций. Выделяются значения собственно номинативные и экспрессивно-синонимические:

1) Номинативными считаются такие значения, которые прямо, непосредственно называют предмет, явление, качество, действие и т.п. В их семантике чаще всего не существует каких-либо дополнительных признаков (в том числе оценочных). Однако возможно появление этих признаков с течением времени. (Валгина, Розенталь, Фомина 2002: 11).

2) Экспрессивно-синонимическим считаются значения слов, в семантике которых превалирует эмоционально-экспрессивный компонент (признак). Слова с этими значениями самостоятельны, они отражены в словарях. Чаще всего их воспринимают как оценочные синонимы к тем словам, которые обладают собственно номинативным значением.

Важно отметить, что, кроме рассмотренных основных типов лексических значений, большое количество слов в русском языке имеет оттенки значений, которые тесно связаны с основными значениями, но при этом имеют и отличия (Валгина, Розенталь, Фомина 2002: 12).

1.2 Эмотивный и экспрессивный компоненты семантики слова

Рассматривая сложное взаимодействие субъекта оценки и ее объекта можно выделить компонент, «который подразумевает отношение (хорошее/плохое) субъекта к объекту, рассматриваемое независимо от того, какими свойствами обладает объект» (Вольф 2002: 44). Такой компонент семантики слова называют «эмотивностью».

Как отмечает В.И. Шаховский, психолингвисты давно пришли к выводу, что весь язык эмотивен и что эмотивно нейтральной лексики не существует. Он также пишет о том, что в «процессе языкового опосредования

эмоциональность как психологическое явление трансформируется в эмотивность, которая является уже языковым явлением» (Шаховский 2008: 29).

Однако Н.Г. Комлев утверждает, что мы можем встретить в языке и «слова-понятия без чувственно-эмоциональных импликаций», а также слова «с чувственной коннотацией», и «чувство без мысли (или доминирование чувства над мыслью, например, в поэтических выражениях или в междометиях» (Комлев 1961: 116).

В.И. Шаховским было отмечено наличие большого количества вопросов, связанных с исследованием эмотивного компонента. Один из важнейших вопросов – это проблема включения эмотивного компонента в семантическую структуру языковой единицы. Вопрос, можно ли рассматривать языковую экспрессию как компонент значения слова, словосочетания, синтаксической конструкции, является спорным. Существуют ученые-лингвисты, которые включают эмотивного компонента в семантическую структуру языковой единицы. Например, Ш. Балли считает, что экспрессивная окраска «как бы изначально присуща самим словам, потому что она неотъемлема от их значения» (Балли 1961: 162). Однако есть и те, кто придерживается противоположного мнения. Так, В. А. Звегинцев утверждает, что «экспрессивно-эмоциональные элементы, связанные со словом, не входят в его значение, так как оно с большей четкостью выявляет то положение, что эмоционально-экспрессивные элементы могут развиваться не только независимо от предметно-логического содержания слова, но иногда и вступают в противоречие с ним» (Звегинцев 1957: 175). В данной работе мы будем придерживаться точки зрения Резникова Л.О. и других лингвистов, включающих данный компонент в семантическую структуру языковой единицы (Резников 1958: 4, 406).

Примечательно, что эмотивное значение слова не представляет отражение эмоций отдельного человека, это не индивидуальное значение, а некое обобщенное и всеобщее «социальное» значение. В стандартных языковых

ситуациях представители отдельного взятой языковой общности испытывают и выражают приблизительно схожие эмоции. Каждый человек, конечно, варьирует эту «типичную» для многих людей эмоцию в соответствии со своими представлениями и опытом. Так достигается дифференциация эмоций при языковом выражении через эмотивное значение какого-либо языкового средства (Шаховский 2008: 55).

Е.М. Вольф в своих работах подчеркивает, что термин «эмотивность» чаще всего употребляется условно, т.к. он не связан непосредственно с какими-либо представлениями об эмоциях, а также эмоциональности, экспрессивности и т. д.; эмотивность может понимать под собой как эмоциональную, так и рациональную оценку. Кроме того, она обращает внимание на тот факт, что само выделение эмотивного компонента оценки может в большинстве случаев оказаться условным. Такое выделение – это результат рассмотрения и некоего «разделения» семантики слова или высказывания в лингвистическом описании, так как эмотивность чаще всего неотделима от обозначения свойств объекта.

Экспрессивность – понятие, которое тесно связано с понятием эмотивности. М.В. Никитин, говоря об экспрессивности в общем, отмечает, что поэтическое слово экспрессивно. «Способность производить, оставлять сильное, глубокое или ... заметное впечатление» входит в определение экспрессивности, однако подчеркивает, что экспрессия также интенциональна (то есть намеренна, относится к проявлениям сознательным) и знакова (потому как связана со знаковой деятельностью). Экспрессивность – «сила впечатления от мысли как функция способа ее выражения» (Никитин 2007: 276).

Однако существует и другие определения понятия «экспрессивности» как компонента семантики слова. Е.М. Вольф предлагает рассматривать экспрессивность «как свойство не отдельных слов, а высказывания в целом» (Вольф 2002: 48). Экспрессивность проявляется при помощи интонационной структуры и соответственно восклицательной формы предложения.

Из-за отсутствия среди лингвистов единого мнения о соотношении понятия экспрессивность и категории эмоциональности до сих пор нельзя считать окончательно решенным вопрос о характере отношений между этими понятиями.

Многие зарубежные авторы (Б. Чарльстон, Ш. Балли, Р. Якобсон) отождествляют эти явления. Р. Якобсон считает их синонимами для определения одной из шести выделяемых им функций языка. Он отождествляет эмотивную функцию с экспрессивной и приводит следующее определение: «Так называемая эмотивная или экспрессивная функция, сосредоточенная на адресанте, имеет своей целью прямое выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит. Она связана со стремлением произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных» (Якобсон 1975: 198). Ш. Балли объединяет экспрессию и эмоции в общем понятии «аффективная ценность элементов языковой системы». Говоря о задачах стилистики, он упоминает определение эмоциональной природы речевого факта и изучение экспрессивной системы речевых фактов (Балли 1961: 33).

Ряд отечественных лингвистов (А. А. Реформатский, В. А. Звегинцев, К. А. Левковская) также не разделяют понятия экспрессивности и эмоциональности. Так, В. А. Звегинцев полагает, что слово «обладает не только предметно-логическим содержанием, оно употребляется не только для передачи мысли, но наделено также и эмоциональным или экспрессивным элементом, через его посредство человек выражает свои эмоции» (Звегинцев 1957: 167).

Считается, что большинство ученых все же разделяют понятия экспрессивности и эмоциональности, но характер этой взаимосвязи по-прежнему остается предметом обсуждений. Некоторые исследователи (Е. М. Галкина-Федорук, И. Р. Гальперин, И. В. Арнольд, А. И. Ефимов) рассматривают эмоциональность как составной элемент экспрессивности.

Экспрессивный и собственно оценочный аспекты значения слова или

высказывания существуют в некоторой зависимости друг от друга. Наиболее приемлемой представляется точка зрения В. И. Шаховского и М. Я. Блоха, которые предполагают, что экспрессивность и эмотивность частично схожи, но при этом являются автономными явлениями и допускают существование неэкспрессивной эмотивности. По мнению В. И. Шаховского, эмотивность высказывания всегда связана с реализацией эмоциональной оценки, а экспрессивность в свою очередь чаще связана с интеллектуальным намерением убедить в чем-то адресата (Шаховский 1975: 3–25).

Экспрессивность непосредственно связана с эмоциональной оценкой, но не ограничивает ее. Она в большинстве случаев появляется тогда, когда оценка возникает как прямая реакция на событие. Экспрессивность оценочных выражений в речевых актах ориентирована на усиление эмоционального воздействия на собеседника, то есть на увеличение воздействия на чувства и мысли воспринимающих оценочное высказывание (Вольф 2002).

Экспрессивно–эмоциональная оценка – это дополнительный компонент в значении слова. Слово без какого-либо контекста может быть нейтральным, то есть оно может быть без оценки. Тем не менее, оценочность и экспрессивность заложены в природе языка, именно по этой причине в некоторых текстах нейтральные слова приобретают свою оценку.

Е.М. Галкина-Федорук отмечает, что «писатели в своих произведениях нередко выбирают такие слова, которые помогают им создать или ярко положительный, или ярко отрицательный образ». Так, по Е.М. Галкиной-Федорук, эмоциональность может выражаться лексическим значением слова, могут также использоваться различные эмоциональные суффиксы, особые эмоциональные междометия и частицы, эмоциональный оттенок может придаваться интонацией (Галкина-Федорук, 1958: 107).

Эмоциональные, экспрессивные, стилистические и др. компоненты называют прагматическими значениями знаков. Л.С. Бархударов отмечает, что разные слова могут иметь одинаковые референциальные значения (то есть одинаковые референты), но при этом отличаться по прагматическим

значениям, то есть по тем «субъективным отношениям, которые существуют между этими языковыми знаками и людьми, использующими эти знаки и которые через знаки переносятся на сами референты, ими обозначаемые референты, ими обозначаемые» (Бархударов 1975: 40).

Л.С. Бархударов обращает внимание на то, что для художественной литературы, и особенно для лирической поэзии, главными и основными в большинстве случаев становятся не референциальные, а именно прагматические значения, выражаемые в различных художественных текстах. Существует мнение, что при переводе текстов художественных, в особенности поэтических, переводчику часто приходится жертвовать передачей референциальных значений для того, чтобы передать информацию, которая заключается в выражаемых прагматических (эмоциональных и пр.) значениях, которые являются гораздо более существенными для текстов данного типа (Бархударов 1975: 43).

1.3 Понятие оценочности

Эмоциональные и экспрессивные компоненты традиционно изучаются с учетом таких категорий, как оценочность, экспрессивность, образность, причем связь их с оценкой являются особенно тесными. Нет никаких сомнений, что эмоциональность и оценочность — это взаимосвязанные категории, однако имеется несколько различных точек зрения касательно характера их связи.

Есть мнение, что оценочность и эмоциональность представляют собой неделимое единство. К числу исследователей, которые придерживаются данной точки зрения относится, например, Н. А. Лукьянова: «Оценочность, представленная как соотношенность слова с оценкой, и эмоциональность, связанная с эмоциями, чувствами, не составляют двух разных компонентов значения, они едины». Эту же точку зрения разделяет и В.И. Шаховский. Е.М. Вольф, наоборот, разделяет компоненты «эмоциональность» и «оценочность» и рассматривает их как часть и целое.

Существует также мнение, что «оценочность» и «эмотивность» — это компоненты, которые предполагают наличие друг друга, но при этом они все-таки являются различными компонентами. Их различие доказывает тот факт, что функция оценки присуща в разной степени отдельным подклассам эмоциональных явлений. Как считают сторонники этой позиции, оценочность характерна для эмоциональной лексики в различной степени. Большой промежуток времени в параметре оценки не рассматривалась лексика таких эмоций, как «любовь», «грусть», но в последнее время ученые начали исследовать характер оценочности и подобных слов (Чибирова 2013: 2).

М. С. Ретунская считает, что эмотивность является факультативной частью оценочности, которая может как присутствовать в семантике оценочных единиц (эмотивно-интеллектуальная оценка), так и отсутствовать (рациональная оценка) (Ретунская 1996: 9).

Рассматривая данный вопрос, наиболее приемлемой представляется точка зрения Н. А. Лукьяновой. Она утверждает, что оценочность, которая представляется как соотносённость слова с оценкой, и эмоциональность, которая связана с эмоциями и чувствами человека, не составляют двух разных компонентов значения. Их можно назвать едиными, так как они неразрывны как оценка и эмоция на внеязыковом уровне. Положительная оценка может передаваться через положительную эмоцию, например, через одобрение, восторг, восхищение и т. п., отрицательная – через отрицательную эмоцию – неодобрение, осуждение, раздражение и т. п. Оценка включает в себя соответствующую эмоцию, а характеристики эмоции и оценки совпадают: “приятное” – “хорошо”, “неприятное” – “плохо” (Лукьянова 1986: 45).

М.С. Ретунская подчеркивает, что «оценка (оценочный компонент) является составной частью семантической структуры слова, имеет тесную связь с эмотивным компонентом и понятийным ядром слова, реализует оценочное отношение языкового коллектива к соотносённому со словом понятию или

предмету по типу хорошо/плохо в диапазоне от «очень хорошо» до «очень плохо» (Ретунская 1996: 8). Она отмечает, что оценки субъективны, релятивны, нестабильны (один субъект может менять оценку определенного предмета в зависимости от множества факторов) и стабильны (закрепившись в языковой системе в виде словарной дефиниции, оценки продолжают существовать даже в том случае, если словарная единица устарела).

Нужно отметить, что также существует проблема соотношения оценочности и коннотации. Данный вопрос ученые трактуют различными способами. Так как в данной работе понятия эмотивности и оценочности воспринимаются как близкие друг другу, оценочность будет рассматриваться как часть коннотативного значения.

В работе С. В. Татаренко уделяется особое внимание тому факту, что оценочность, являясь микрокомпонентом коннотативного значения слова, накладывается и на его денотативное содержание, тем самым определяя отношение к описываемому предмету или явлению как имеющему положительную, отрицательную или нейтральную оценку. Оценка представляет собой отношение человека к окружающему миру, которое основывается на различных ценностных критериях, определяемых объективными и субъективными факторами, которые отражают взаимодействие сознания человека с окружающей действительностью, а также реакцию на нее, которая высказывается в виде оценочного суждения (Татаренко 1999: 9).

Являясь носителем национального языка, субъект оценки усваивает определенный способ восприятия действительности. В различных лингвистических работах многократно отмечался тот факт, что человек расчленяет природу так, как подсказывает ему родной язык (Уорф 1960:174), вместе с тем он бессознательно переносит определенные языком нормы в сферу опыта (Сэпир 1985). При этом «способ членения задан языку жизнью (природой и деятельностью человека)» (Арутюнова 1980: 173).

Однако стоит отметить, что, несмотря на разные способы восприятия

действительности носителями различных языков, если тематически организованную лексику двух разных языков соотнести друг с другом, то окажется, что, несмотря на отличия и особенности организации тематических групп, она обозначает почти один и тот же континуум действительности, представляя собой своеобразное зеркало эпохи, так как нет вещей и познанных понятий, которые не обладали бы своим наименованием (Виноградов 1978: 51).

Нужно также обратить внимание на то, что существуют разногласия между учеными относительно разграничения категорий оценки и оценочности, которое, как считает С.С. Ваулина, «представляется важным, ибо именно оценочность (а не оценка)... является широкой семантической (понятийной) категорией, служащей важнейшим движущим компонентом в процессе познания и в языковой интерпретации познавательных фактов... Оценка же выступает во множестве своих разновидностей – в общеоценочных и частнооценочных значениях (отдельных оценках)» (Ваулина 2009: 8).

Е.М. Вольф в своих работах говорит именно об оценке и определяет ее как квалификацию, в широком смысле слова, которая связана с «представлением субъекта оценки об отношении данного предмета или события к нормативному «положению вещей» или к существующей в данном социуме норме», и оценку, в собственном смысле слова, связанную с противопоставлением «хорошо/плохо» (Вольф 1986: 392). В данном исследовании мы будем считать понятия оценки и оценочности синонимичными.

Языковая оценка в зависимости от основания и характера этой оценки может быть трех видов и трех типов. Три вида оценки (нейтральная, положительная и отрицательная) выделяются по характеру отношения субъекта оценки к познаваемому объекту. Соответственно, их выделение обусловлено признанием оценки как обязательного компонента структуры значения слова. Выделяются следующие типы оценки: интеллектуально-логическая, эмоциональная и эмоционально-интеллектуальная. По мнению

Н. Д. Арутюновой, эмоции представляют собой субъективную форму оценки предметов и явлений действительности, они связаны с теми потребностями человека, которые лежат в основе мотивов его деятельности (Арутюнова 1988).

По мнению М.С. Ретунской, рациональная или интеллектуально-логическая оценка основывается на «информации об объективно присущих референту свойствах». Эмоциональная или эмотивная оценка основана более на эмоциях, которые вызывает называемый предмет. Эмотивно(эмоционально)-интеллектуальная оценка в свою очередь основывается на «диалектическом единстве рационально-оценочных суждений» (Ретунская 1996: 9).

Так как данное исследование будет посвящено изучению лексических средств, используемых для описания героев, остановимся подробнее на оценочном аспекте семантики прилагательного как части речи, наиболее часто используемой для описания чего-либо. Прилагательное – это лексико-семантический класс предикатных слов, обозначающий непроцессуальный признак (свойство) предмета, события или другого признака, обозначенного именем (ЛЭС 2002: 398). Прилагательные располагаются на непрерывной шкале, при этом на одном полюсе данной шкалы находятся единицы, которые обозначают только признаки, лишённые какой-либо оценки, т. е. не связанные с прагматическим аспектом речи. На другом полюсе – оценочные, а также прилагательные-интенсификаторы и модальные, в основном соотносящиеся с прагматическим аспектом высказывания. Между этими полюсами располагаются прилагательные, которые в той или иной мере сочетают значение объективного признака и оценочное значение (Вольф 1978: 19).

Е.М. Вольф подчеркивает, что «прагматический аспект явно присутствует в большом подклассе качественных прилагательных, которые носят оценочный характер». Она утверждает, что помимо собственно оценочных прилагательных, которые дают качественную характеристику предмета и для которых оценка является их основным значением, компонент оценки может

также присутствовать и в самых разнообразных прилагательных, «вводя в их семантическую структуру указание на участие субъекта высказывания» (Вольф 1978: 36).

Многочисленные типы оценочных прилагательных могут быть выделены по роли в высказывании. Это прилагательные, выражающие оценку абсолютную и относительную, связанную с соотнесением к классу (обычный, нормальный, типичный, естественный) и с выделением из класса (необычный, выдающийся), с различными видами релятивных связей (равный, похожий, непохожий и т. п.) (Вольф 1978: 15).

Одной из важнейших характерных черт оценки является то, что в оценке всегда имеется субъективный фактор, который взаимодействует с объективным. Всякое оценочное суждение предполагает субъект суждения — то лицо (индивидуум, социум), которое оценивает что-либо, и его объект — тот предмет или явление, на которое направлена оценка. «Выражение или приписывание ценности (оценивание) является установлением определённого отношения между субъектом или субъектами оценки и её объектом» (Ивин 1970: 13). А.А. Ивин отмечает, что ценностное отношение существует и в том случае, когда предмет является объектом положительного или отрицательного интереса субъекта, и в случае, когда субъект исключает этот предмет из сферы своих интересов, т.е. когда «ему приписывается субъектом нулевая ценность» (Ивин 1970: 13).

Следует особенно подчеркнуть, что оценочные, эмоциональные, экспрессивные и стилистические компоненты лексического значения часто сопровождают друг друга в речи, поэтому их часто смешивают, а термины употребляют в качестве синонимов. Но при этом совпадение компонентов не обязательно. Присутствие одного из компонентов не подразумевает обязательного присутствия всех остальных, и эти компоненты могут встречаться в самых разных комбинациях (Арнольд 2002: 58).

1.4 Понятие переводческой эквивалентности

Перевод — это один из древнейших видов деятельности человека, который представляет собой сложный и многогранный процесс. В.С. Виноградов отмечает, что «перевод — это особый, своеобразный и самостоятельный вид словесного искусства» (Виноградов 1978: 8). Несмотря на то, что чаще говорят о переводе «с одного языка на другой», в процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим.

Т.А. Казакова определяет перевод как «это преобразование сообщения на исходном языке в сообщение на языке перевода». Кроме того, она отмечает, что по ряду причин «точный перевод, по определению, невозможен» (Казакова 2000: 9).

Задача перевода состоит в целостной и точной передаче средствами другого языка содержания оригинала, при этом сохраняя его стилистические и экспрессивные особенности. Считается, что в переводе должно передаваться не только то, что выражено оригиналом, но и то, как это выражено. Данное требование предъявляется как ко всему переводу какого-либо текста, так и к отдельным частям. Для того, чтобы было возможно определить степень смысловой близости оригинала и перевода, было введено понятие эквивалентности.

Понятие эквивалентности используется при исследовании одной из важнейших особенностей перевода и является одним из центральных понятий современного переводоведения.

В современном переводоведении существуют разные подходы к определению эквивалентности. Многие исследователи полагают, что определение и характеристика такого явления, как переводческая эквивалентность, является одной из центральных проблем теории перевода. Такой точки зрения придерживается, например, Дж. Кэтфорд. В книге «Лингвистическая теория перевода», которая была опубликована в 1965 г., Дж. Кэтфорд отмечает, что, по его мнению, эквивалентность должна определяться эмпирически при сопоставлении реально выполненных переводов с их оригиналами. Дж. Кэтфорд считает, что в процессе перевода

не происходит переноса или воспроизведения значений единиц оригинала, но лишь замена значений в одном языке значениями в другом.

При исследовании понятия эквивалентность, нельзя не упомянуть об оригинальной концепции эквивалентности перевода Г. Егера. Он предлагает различать «коммуникативную» и «функциональную» эквивалентность. По мнению ученого, только функциональная эквивалентность является действительно достижимой. Такая эквивалентность достигается при передаче в переводе функциональной ценности оригинала (единство его актуального сигнификативного значения, актуального членения и внутрилингвистического прагматического значения).

Понятие переводческой эквивалентности рассматривалось также такими учеными как В. Вилсс, О. Каде, Л.К. Латышев, П.Ньюмарк, Ю. Найда и др.

Так, проблеме переводческой эквивалентности уделяется значительное место в труде О. Каде «Языковое посредничество как общественное явление и предмет научного исследования». Он говорит о понятии «коммуникативной ситуации», воспроизведение которой служит для достижения «динамической эквивалентности» перевода. Кроме того, О. Каде различает максимальную, оптимальную, обусловленную и частичную эквивалентность, принимая во внимание разницу между теоретически возможной близостью текстов оригинала и перевода, практически достижимой и реальной близостью, достигнутой определенным переводчиком при существующих условиях.

Л.К. Латышев предлагает решить проблему переводческой эквивалентности, разграничив понятия «функция текста» и «содержание текста». В разных ситуациях общения тексты с одинаковым содержанием могут иметь разные функции (коммуникативные задания). Л.К. Латышев различает два вида эквивалентности: функциональную, при которой воспроизводится только функция оригинала, и функционально-содержательную, когда воспроизводится как функция, так и содержание.

Ю. Найда также различает два вида эквивалентности: формальную и динамическую. Формальная эквивалентность, как считает Ю. Найда,

«ориентирована на оригинал», ее цель – обеспечить возможность непосредственного сопоставления текстов на разных языках. Динамическая эквивалентность в свою очередь «ориентирована на реакцию Рецептора» и ее цель заключается в обеспечении равенства воздействия перевода на читателя.

Как считает П. Ньюмарк, при коммуникативном переводе переводчик обычно улучшает оригинал, повествование становится более логичным, устраняются не очень ясные и непонятные обороты, различные повторения и двусмысленные выражения, исправляются фактические ошибки, оговорки и т.п. В какой-то степени понятие «коммуникативный перевод» соответствует понятию «динамическая эквивалентность» Ю. Найды и «функциональная эквивалентность» Г. Егера. Но П. Ньюмарк особо подчеркивает важность семантического перевода, который обеспечивает наиболее полное воспроизведение оригинала. Ученый полагает, что в первую очередь переводчик должен гарантировать такое воспроизведение и только затем попытаться сделать перевод более «коммуникативным» т.е. более доступным и эффективным для аудитории.

Однако наиболее распространенной на сегодняшний момент можно назвать теорию уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова. Как считает В.Н. Комиссаров, «общность содержания (смысловая близость) текстов оригинала и перевода называется эквивалентностью перевода (оригиналу)» (Комиссаров 1990: 47). Изучение существующих отношений между содержанием оригинала и перевода может позволить определить пределы этой общности, то есть максимально вероятную смысловую близость текстов на разных языках, и, кроме того, установить такую минимальную близость к оригиналу, при которой какой-либо текст можно признать эквивалентным переводом.

В.Н. Комиссаров отмечает, что максимально полная передача содержания оригинала представляет собой одну из главных задач переводчика, и подчеркивает, что часто «фактическая общность содержания оригинала и перевода весьма значительна» (Комиссаров 1990: 51).

Однако при этом необходимо различать потенциально достижимую эквивалентность, то есть максимальную общность содержания двух текстов на разных языках, которая допускается различиями языков, и переводческую эквивалентность – «реальную смысловую близость текстов оригинала и перевода, достигаемую переводчиком в процессе перевода» (Комиссаров 1990: 51). В.Н. Комиссаров утверждает, что пределом переводческой эквивалентности считается максимально возможная степень сохранения содержания оригинального текста при переводе, но в каждом переводе смысловая близость к оригиналу приближается к максимальной в разной степени и достигается разными способами.

В.Н. Комиссаров предлагает различать пять уровней (типов) эквивалентности в зависимости от того, какую часть содержания переводчик передает для обеспечения эквивалентности перевода. На любом из пяти уровней эквивалентности перевод может обеспечивать межъязыковую коммуникацию.

Так, эквивалентность переводов первого типа «заключается в сохранении только той части содержания оригинала, которая составляет цель коммуникации» (Комиссаров 1990: 52). На втором уровне эквивалентности общая часть содержания оригинала и перевода «не только передает одинаковую цель коммуникации, но и отражает одну и ту же внеязыковую ситуацию» (Комиссаров 1990: 54). Под ситуацией понимается весь комплекс объектов и связей между объектами, которые описываются в высказывании.

На первом уровне эквивалентности общность оригинала и перевода заключается только в том, что можно прийти к одинаковым выводам об эмоциональном отношении говорящего к предыдущему замечанию собеседника. На втором уровне совершенно разные языковые средства оригинала и перевода фактически описывают одно и то же явление.

Третий тип эквивалентности предполагает «отсутствие параллелизма лексического состава и синтаксической структуры, невозможность связать структуры оригинала и перевода отношениями синтаксической

трансформации, сохранение в переводе цели коммуникации и идентификации той же ситуации, что и в оригинале» и также сохранение общих понятий, при помощи которых ситуация описывается в оригинале (Комиссаров 1990: 61).

На четвертом уровне эквивалентности существует значительный (хотя и неполный) параллелизм лексического состава, в переводе используются аналогичные оригиналу синтаксических структур, сохраняются в переводе всех три части содержания оригинала: «цели коммуникации, указания на ситуацию и способа ее описания» (Комиссаров 1990: 72).

На пятом уровне эквивалентности «достигается максимальная степень близости содержания оригинала и перевода, которая может существовать между текстами на разных языках» (Комиссаров 1990: 78). Отношения между оригиналом и переводом характеризуются высокой степенью параллелизма в структурной организации текста, максимальной сопоставимостью лексического состава, сохранением всех основных частей содержания оригинала в переводе.

Нужно отметить, что максимальная степень близости текстов не предполагает абсолютной их идентичности. Л.С. Бархударов подчеркивает, что «требовать «сто процентного» совпадения значений, выражаемых в тексте подлинника и тексте перевода, было бы абсолютно нереальным» (Бархударов 1975: 11). Во время межъязыкового преобразования потери неминуемы и поэтому существует неполная передача значений, которые выражены в оригинале. Таким образом, перевод никогда не может быть полным и абсолютным эквивалентом подлинника. Задача переводчика сводится к тому, чтобы сделать эту эквивалентность как можно более полной.

Л.С. Бархударов обращает особое внимание на тот факт, что «для перевода существенной является эквивалентность значений не отдельных слов и даже не изолированных предложений, но всего переводимого текста» (Бархударов 1975: 14).

Говоря об эквивалентности, нельзя не обратить внимание на проблему переводимости (непереводимости) текстов. Переводимостью считается

принципиальную возможность перевести какой-либо текст. На уровне практики перевода часто некоторые тексты объявляются непереводаемыми. Мы будем придерживаться точки зрения Л.С. Бархударова по этому вопросу. Он утверждает, что эквивалентность перевода обеспечивается на уровне всего переводимого текста в целом, иначе говоря, «существуют непереводаемые частности, но нет непереводаемых текстов» (Бархударов 1975: 221).

Л.С. Бархударов подчеркивает, что «отсутствие прямых эквивалентов определенным разрядам лексических единиц в словарном составе другого языка отнюдь не означает их «непереводимость» на этот язык» (Бархударов 1975: 102). Как правило, переводчик располагает целым рядом различных средств, которые дают возможность передать значение исходной словарной единицы в речи, в определенном тексте.

1.5 Лексические трансформации, используемые для достижения

эквивалентности перевода

Семантическая эквивалентность оригинального текста и перевода, которую считается необходимым условием осуществления процесса перевода, существует не между отдельными элементами этих текстов, а между текстами в целом, «причем внутри данного текста не только допустимы, но часто и просто неизбежны многочисленные перегруппировки, перестановки и перераспределения отдельных смысловых элементов («переводческие трансформации»)» (Бархударов 1975: 17).

Изучением различных переводческих трансформаций занимались такие ученые, как Я.И.Рецкер, Т.Р. Левицкая, А.Д. Швейцер, В.Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов и другие. Нужно отметить, что разные исследователи выделяли различное количество типов и видов трансформаций и обращали внимание на различные стороны изучения данного явления. Так, в книге «Теория перевода и переводческая практика» Я.И. Рецкера уточняется классификация

типов соответствий, описываются различные виды лексических и грамматических трансформаций при переводе, а особое внимание уделяется вопросам перевода фразеологических единиц и передачи в переводе экспрессивных и модальных аспектов содержания оригинального текста.

В.Н. Комиссаров называет переводческими (или межъязыковыми) трансформациями такие «преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле» (Комиссаров 1990: 172). Так как переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, которые имеют план содержания и план выражения, они носят формально-семантический характер и преобразуют как форму, так и значение исходных единиц.

В своей работе «Курс перевода» Л. К. Латышев определяет лексические трансформации как «отклонение от словарных соответствий» (Латышев 1981: 180). В лексических системах разных языков наблюдаются различные несовпадения, проявляющиеся в типе смысловой структуры слова. Лексическая единица представляет собой часть лексической системы языка. Этим объясняется своеобразие семантической структуры слов в разных языках.

Л.С. Бархударов считает, что «достижение переводческой эквивалентности («адекватности перевода») ... требует от переводчика прежде всего умения произвести многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования — так называемые переводческие трансформации — с тем, чтобы текст перевода с максимально возможной полнотой передавал всю информацию», которая заключается в оригинальном тексте, при этом необходимо сделать так, чтобы соблюдались все нормы языка переводного текста» (Бархударов 1975: 190).

Л.С. Бархударов выделяет следующие элементарные типы преобразований: перестановки, замены, добавления и опущения (Бархударов 1975: 190).

В.Н. Комиссаров подразделяет переводческие трансформации на лексические и грамматические «в зависимости от характера единиц ИЯ,

которые рассматриваются как исходные в операции преобразования» (Комиссаров 1990: 172). Кроме того, он говорит о том, что существуют и комплексные лексико-грамматические трансформации, в которых преобразования затрагивают одновременно лексические и грамматические единицы оригинала или являются межуровневыми, то есть осуществляют переход от лексических единиц к грамматическим и наоборот.

Четко квалифицировать лексические трансформации невозможно из-за того, что они часто совмещаются. Однако в общем можно выделить восемь основных разновидностей лексических трансформаций: конкретизация, генерализация, прием лексического добавления, прием опущения, прием смыслового развития, антонимический перевод, прием целостного преобразования и компенсация.

Выводы по главе 1

В первой главе работы были рассмотрены основные теоретические вопросы, связанные с проблемой изучения лексического значения слова. В результате можно сделать следующие выводы:

1. Лексическое значение слова представляет собой сложную структуру. Выделяются две части: содержательное ядро лексического значения, то есть интенционал, и импликационал – периферия семантических признаков, окружающих данное ядро. Можно также выделить гиперсему (элемент значения, который указывает на родовой признак). Сложная структура лексического значения слова включает в себя и стилистическое значение, или коннотацию.

2. Лексическое значение представляет собой единство языкового и неязыкового содержания. Лексические значения можно разделить по связи, соотнесенности с предметом действительности на прямые и переносные; свободные и связанные. Можно также выделить три типа связанных лексических значений: фразеологически связанные значения, синтаксически ограниченные значения и конструктивно обусловленные значения.

3. По степени семантической мотивированности лексические значения разделяются на немотивированные и мотивированные. Лексические значения можно также разделить по характеру выполняемых номинативных функций: выделяются значения собственно номинативные и экспрессивно-синонимические.

4. Язык эмотивен, однако существуют различные мнения о том, есть ли эмотивно нейтральная лексика. Существует также проблема включения эмотивного компонента в семантическую структуру языковой единицы. В данной работе мы будем придерживаться мнения лингвистов, которые включают данный компонент в семантическую структуру языковой единицы.

Экспрессивность – понятие, которое тесно связано с понятием эмотивности, однако единого мнения о соотношении этих понятий. Многие

лингвисты отождествляют их, но большинство ученых все же разделяют понятия экспрессивности и эмоциональности. Характер взаимосвязи между ними остается предметом обсуждений. Наиболее приемлемой представляется следующая точка зрения: экспрессивность и эмотивность схожи, но при этом являются автономными явлениями. Экспрессивно–эмоциональная оценка является дополнительным компонентом в значении слова. Слово без контекста может быть нейтральным, но в некоторых текстах нейтральные слова могут приобретать свою оценку.

Эмоциональные, экспрессивные, стилистические и др. компоненты называют прагматическими значениями знаков. Разные слова могут иметь одинаковые референциальные значения, но при этом отличаться по прагматическим значениям. Для художественной литературы главными в большинстве случаев становятся именно прагматические значения. Существует множество различных средств, с помощью которых в языке появляется эмоционально-экспрессивная оценка слов.

5. Эмоциональность и оценочность — это взаимосвязанные категории. Их можно считать едиными, так как они неразрывны как оценка и эмоция на внеязыковом уровне. Оценки субъективны, релятивны, нестабильны и стабильны. Языковая оценка в зависимости от основания и характера этой оценки может быть трех видов (нейтральная, положительная и отрицательная) и трех типов. (интеллектуально-логическая, эмоциональная и эмоционально-интеллектуальная). Употребление эмотивно-оценочных прилагательных той или иной направленности зависит от намерений говорящего.

Эмоциональные, экспрессивные, оценочные и стилистические компоненты лексического значения зачастую могут сопровождать друг друга в речи, но при этом совпадение компонентов не обязательно.

6. Эквивалентностью считается смысловая близость оригинала и перевода. Изучение отношений между оригиналом и переводом позволяет определить максимально вероятную смысловую близость текстов на разных языках,

установить минимальную близость к оригиналу, при которой текст можно признать эквивалентным переводом. В.Н. Комиссаров предлагает различать пять уровней эквивалентности в зависимости от того, какую часть содержания передается переводчиком. Но даже максимальная степень близости текстов не предполагает абсолютной идентичности. Важен тот факт, что для перевода существенной является эквивалентность значений не отдельных слов, а всего текста поэтому, говоря о непереводе, можно утверждать, что существуют непереводимые отдельные элементы, но непереводимых текстов нет.

7. Переводческие трансформации подразделяются на лексические и грамматические, но существуют и комплексные лексико-грамматические трансформации. Лексические трансформации невозможно четко классифицировать из-за того, что они часто совмещаются.

Глава 2. Использование лексических средств для выражения характеристики героев в переводах романа Н.В. Гоголя «Мертвые души» на английский язык

Роль средств характеристики в художественном тексте чрезвычайно важна: описывая персонажей, писатель представляет более полную картину происходящего читателю, помогает заметить важные детали, обращает внимание на необходимые для понимания смысла произведения факты. Характеристики героев, которые автор приводит сам, помогают в раскрытии авторской точки зрения. В случае же, когда писатель приводит мнение одного персонажа о другом, читатель обнаруживает более эмоциональную характеристику, которая дает понять многое не только о характеризуемом, но и о том, кто дает характеристику.

В данной главе будет представлена классификация лексических средств характеристики героев, их переводы на английский язык, а также анализ некоторых особенностей перевода таких лексических средств. Материалом к данной главе послужили отрывки из произведения Н.В. Гоголя «Мертвые души» и их переводы на английский язык, выполненные Чарльзом Джеймсом Хогартом (СН), Изабель Флоренс Хэпгуд (ИН) и Робертом Магуайром (RM).

Чарльз Джеймс Хогарт (Charles James Hogarth, 1869-1945) – британский переводчик, который профессионально занимался переводами произведений русской литературы. Он переводил романы Толстого, Тургенева, Гончарова и др. Следует отметить, что переводил он произведения русских романистов не фронтально, а выборочно, видимо, руководствуясь собственными предпочтениями. Даже выбранное произведение он переводил не полностью: в ходе анализа было обнаружено, что перевод некоторых отрывков отсутствует (по крайней мере на сайте <http://www.gutenberg.org>, который послужил источником английского текста). Важно отметить тот факт, что перевод Ч.Дж. Хогарта, выполненный в 1915 году, является самым доступным для читателя переводом.

Изабель Флоренс Хэпгуд (Isabel Florence Hapgood, 1850—1928) —

американская писательница и переводчица, которая переводила на английский язык произведения Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.А. Бунина. Любопытно, что, говоря о Изабель Ф. Хэпгуд, Н. Мельников в книге «Портрет без сходства. Владимир Набоков в письмах и дневниках современников» отмечает следующее: «в своем «Николае Гоголе» Набоков неоднократно указывал на грубые ошибки в ее переводе «Мертвых душ» (Мельников 2013:43). Однако Б.А. Гиленсон считает, что переводы Хэпгуд, «изучавшей русскую историю и культуру, знавшей реалии быта и пр., отличались высоким мастерством и проникновением в дух подлинника» (Лит. наследство, 1965: 407)

Роберт Магуайр (Robert A. Maguire, 1930-2005) был почетным профессором и бывшим главой отделения в Колумбийском университете (Columbia University). Он является автор книги «Exploring Gogol» («Открывая Гоголя», 1996), был редактором «Gogol from the Twentieth Century» («Гоголь из двадцатого века», 1995). Его перевод романа «Мертвые души», выполненный в 2004, считается одним из последних современных переводов.

Нужно отметить, что всего в настоящий момент насчитывается около десяти переводов поэмы на английский язык.

В данной работе исследование и сравнительный анализ проводились для лексических единиц, как имеющих, так и не имеющих закрепленные словарные соответствия, при анализе мы обращались к следующим словарям: словарь LingvoUniversal (LU), Большой толково-фразеологический словарь М.И. Михельсона, Толковый словарь русского языка Ушакова, Большой англо-русский и русско-английский словарь, Универсальный русско-английский словарь, Фразеологический словарь русского литературного языка, Новый большой англо-русский словарь и Новый объяснительный словарь синонимов русского языка.

2.1. Классификация средств, используемых для характеристики героев

Автор характеризует героев, описывая различные детали их образов. Для

создания яркого образа каждому читателю необходима информация о внешнем виде героя, его одежде, его характере и поведении, окружающих его предметах быта и т.д. В соответствии с тем, какую именно черту или деталь автор описывал, было принято решение разделить все выбранные примеры на несколько групп, которые содержат различные лексемы, выражающие характеристику героев. Нужно отметить, что границы являются условными, и нередко пример может находиться на границе двух групп, т.е. может быть отнесен к нескольким группам.

2.1.1 Лексемы, выражающие черты характера героев

Из всех выделенных групп эта является самой многочисленной. 36% всех отобранных примеров составляют различные случаи употребления разных лексем для описания характера героя. Это объясняется чрезвычайной важностью понимания характеров героев читателем. Конечно, поступки также дают представление о характере героев, однако прямая авторская или непрякая оценка от лица какого-либо из героев помогает читателю безошибочно представить нужный образ.

Так, примером прямой т.е. авторской оценки характера может служить следующее предложение:

(1) Но герой наш уже был средних лет и осмотрительно-охлажденного характера. (о Чичикове, стр. 136)

Ч.Дж. Хогарт так решает эту переводческую задачу: «...the hero was...of cautious and frigid temperament». «Frigid» представляется удачным вариантом, так как включает в себя одновременно и значение «холодный», и «безразличный, равнодушный».

И.Ф. Хэпгуд предлагает следующий перевод: «But our hero was...of a coldly cautious character». (Isabel Florence Hapgood (далее ИИ), 94) Р. Магуайр переводит этот отрывок следующим образом: «But our hero was...of circumspectly cool nature» (Robert A. Maguire (далее RM), 102).

Сложное авторское образование «осмотрительно-охлажденный» не имеет

прямого, зафиксированного в словарях соответствия, так как представляет собой авторский неологизм. Однако отдельные прилагательные, с помощью которых оно образовано, имеют следующие соответствия в словаре LingvoUniversal: осмотрительный – *circumspect, prudent; wary, cautious*; охлажденный – *chilled, cooled*.

Как мы видим, все переводчики использовали преобразовали сложное авторское прилагательное, заменив его на два простых прилагательных. При этом они использовали словарные соответствия для передачи «осмотрительности» характера Чичикова: Ч.Дж. Хогарт и Р. Магуайр следовали за автором, определяя порядок слов, а И.Ф. Хэпгуд приняла решение вынести «охлажденность» характера Чичикова на первый план. Такая перестановка не представляется обоснованной.

Если говорить об эквивалентности, то, согласно классификации Ю. Найды, все три перевода представляют собой примеры динамической эквивалентности, т.к. ориентированы на рецептора. Воздействие, которое производит на читателя русский текст, и воздействие переводных текстов сопоставимо. По классификации В.Н. Комиссарова данные переводы обеспечивают эквивалентность четвертого уровня, т.к. в каждом из переводов существует значительный (хотя и неполный) параллелизм лексического состава, используются схожие с оригиналом синтаксические структуры.

Примером не прямой оценки, т.е. оценки одним персонажем другого, служит следующее предложение:

(2) «Ну, баба, кажется, крепколобая!» – подумал про себя Чичиков. (о Коробочке, стр. 86)

Ч.Дж. Хогарт предлагает следующий перевод: «*She seems a truly obstinate old woman!*» (СДН). И.Ф.Хэпгуд переводит данное предложение так: «*Well, she`s a hard-headed woman*» (ИН, 51). Р.Магуайр приводит следующий вариант: «*Well, it looks like we have a thick-headed old hag here!*» (RM, 55).

В большом толково-фразеологическом словаре М.И. Михельсона

приводится следующее толкование прилагательного «крепколобый»: крепколобый (иноск.) — упрямый. Согласно толковому словарю русского языка Ушакова, крепколобый (разг. ирон.) — несообразительный, тупой, глупый. В словаре LingvoUniversal предлагаются такие переводы данного прилагательного: blockhead, pig(-)headed.

Все переводчики приняли решение представить собственные варианты перевода. Используя прилагательное «obstinate» в значении «упрямый, своевольный; неподдающийся (убеждению, просьбам)», Ч.Дж. Хогарт передал основной смысл высказывания, но при этом «превратил» русскую «бабу» Коробочку в действительно упрямую старушку – «truly obstinate old woman». «Hard-headed», выбранное И.Ф. Хэпгуд, также имеет значение «упрямый, несговорчивый». Таким образом, переводы Ч.Дж. Хогарта и И.Ф. Хэпгуд соответствуют толкованию в словаре М.И. Михельсона. Перевод же Р. Магуайра, «thick-headed», ближе к толкованию в словаре Ушакова, т.к. имеет значение «тупоголовый» (LU). Примечательно, что благодаря использованию существительного «hag» (ведьма, карга, колдунья, чародейка – LU) вместо нейтрального «woman», обеспечивается наиболее полная передача эмотивного и экспрессивного компонентов существительного «баба». Так, перевод Р. Магуайра существенно отличается от варианта Ч.Дж. Хогарта, являясь менее нейтральным и, на наш взгляд, наиболее близким к тексту.

В переводах примера (2) мы наблюдаем примеры динамической эквивалентности: приведенные переводы, хотя и в разной степени, обеспечивают равенство воздействия оригинала и перевода на читателей. По классификации В.Н. Комиссарова данные переводы так же представляют собой примеры эквивалентности четвертого уровня.

- (3) Губернатор об нем изъяснился, что он благонамеренный человек; прокурор – что он дельный человек; жандармский полковник говорил, что он ученый человек; председатель палаты – что он знающий и почтенный человек; полицеймейстер – что он почтенный и любезный человек; жена полицеймейстера – что он любезнейший и обходительнейший человек. (о Чичикове, стр. 45)

В примере (3) мы видим, как характеризуют Чичикова разные жители города. В переводе Ч.Дж. Хогарта «благонамеренный человек» – это «a man of excellent intentions», «дельный человек» – «a good man of business», «ученый человек» – «a man of education», «знающий и почтенный» – «a man of breeding and refinement», «почтенный и любезный» – —, «любезнейший и обходительный» – «his politeness of behaviour was equalled only by his affability of bearing».

В переводе И.Ф. Хэпгуд «благонамеренный человек» – это «a well-meaning man», «дельный человек» – «a practical man», «ученый человек» – «a learned man», «знающий и почтенный» – —, «почтенный и любезный» – «a respectable and amiable man», «любезнейший и обходительный» – «a most agreeable and well-bred man». (ИН, 15)

Р. Магуайр перевел этот отрывок следующим образом: у него «благонамеренный человек» – это «a well-intentioned man», «дельный человек» – «a sensible man», «ученый человек» – «a learned man», «знающий и почтенный» – «a knowledgeable and honourable man», «почтенный и любезный» – «an honourable and amiable man», «любезнейший и обходительный» – «a most amiable and most courteous man» (RM, 17).

Некоторые критики называют перевод Роберта Магуайра одним из наиболее полных переводов романа. Пример (3) подтверждает данную точку зрения: в переводах Ч.Дж. Хогарта и И.Ф. Хэпгуд характеристики Чичикова, данные отдельными горожанами (полицмейстером у Ч.Дж. Хогарта и председателем палаты у И.Ф. Хэпгуд), пропущены по неясным причинам.

Для перевода прилагательных «благонамеренный», «дельный», «ученый» Ч.Дж. Хогарт выбирает соответствия, зафиксированные в словарях (LU, например). Однако перевод сочетания «знающий и почтенный» – «a man of breeding and refinement» – представляется неточным, т.к. «breeding» несет в себе значение воспитанности; образованности, а «refinement» – утонченности, изящества, изощренности и изысканности (LU), таким образом сохраняется форма описания, однако эффект, который данная

характеристика производит на читателя оригинала, и эффект, производимый на читателя перевода, различаются. При переводе характеристики Чичикова, которую дала жена полицеймейстера, Ч.Дж. Хогарт принимает решение использовать синтаксическую структуру, отличную от оригинала, соблюдая при этом параллелизм лексического состава.

В переводе И.Ф. Хэпгуд также чаще всего выбирает одно из соответствий, представленных в словаре. Однако она не сохраняет интересный прием, использованный Н.В. Гоголем в оригинале: в то время как по полицеймейстер называет Чичикова «любезным», его жена использует для описания то же прилагательное, но в превосходной степени – «любезнейший», но у И.Ф. Хэпгуд это «amiable» и «a most agreeable».

Перевод Р. Магуайра представляется наиболее полным, т.к. переводчик сохранил все описания, использовав необходимые повторы и превосходную степень в переводном тексте.

2.1.2 Лексемы, выражающие особенности поведения героев

Это одна из самых больших выделенных групп примеров. 24% от всех отобранных примеров составляют примеры данной группы. Для автора очень важно предоставить описание поведения героя и манеры держаться. Каждого героя характеризуют не только поступки, но и то, как именно он совершает какие-либо действия. Приводя описание особенностей поведений разных героев, автор создает в сознании читателя наиболее полный и яркий образ.

- (4) ... и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, железный гвоздь, глиняный черепок, – все ташил к себе и складывал в ту кучу, которую Чичиков заметил в углу комнаты. (о Плюшкине, стр. 167)

Отрывок, в состав которого входит пример (4), Ч.Дж. Хогарт по какой-либо причине принял решение не переводить. И.Ф.Хэпгуд перевела это предложение следующим образом: «...everything he came across ... he carried it all home with him, and threw it upon the heap...» (ИИ, 121). Р.Магуайр

предлагает такой перевод: «...everything he came upon ... he would haul off to his house and place on the hear..» (RM, 130).

Собирание ненужных уже вещей, видимо, в тщетной попытке вернуть былое богатство – важная характеристика поведения Плюшкина, болезненная скупость которого является, пожалуй, одной из важнейших характеристик героя. При переводе глагола «тащить» И.Ф. Хэпгуд использует более нейтральный вариант «carry» (нести, переносить – LU), в то время как Р. Магуайр выбирает глагол с послелогом, характерный для американского английского. Глаголу «складывать», использованному Н.В. Гоголем, ближе вариант Р. Магуайра. Автор показывает, что бережливый и скупой Плюшкин «тащил» к себе все, ведь для героя все это представляло какую-то ценность, поэтому труднее представить, что он «бросал, кидал, метал» (throw – LU) найденное, скорее он аккуратно «размещал, ставил, складывал» (place – LU).

(5) В приемах своих господин имел что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. (о Чичикове, стр. 35).

Ч.Дж. Хогарт переводит эту характеристику Чичикова из примера (5) так: «...his bearing retained its gravity unimpaired, and from time to time he blew his nose with portentous fervor». И.Ф.Хэпгуд предлагает такой перевод этого предложения: «There was something respectable about the gentleman`s manners, and he blew his nose very loudly (ИИ, 7). «There was something solid about the gentleman`s manner, and he blew his nose extremely loudly» (RM, 8) – вариант Р.Магуайра.

В попытке обеспечить динамическую эквивалентность и достичь равенства воздействия перевода на читателя, Ч.Дж. Хогарт меняет структуру предложения. Вместе с этим изменяются и его смысловые оттенки: использование глагола «retain» (сохранять, удерживать – LU) создает ощущение, что Чичиков когда-то обладал солидными манерами и сохранил их до момента повествования; существительное «fervor» (жар, пыл, страсть; рвение, старание, усердие – LU) используется для

описания манеры поведения Чичикова, но не передает «чрезвычайной громкости» его высмаркивания. Можно говорить о неполной эквивалентности, близкой к эквивалентности первого и второго уровней в данном переводе: описывается одно и то же явление, читатели оригинала и перевода могут прийти к одинаковым выводам об эмоциональном отношении говорящего к герою Чичикова.

И.Ф. Хэпгуд, как и Р. Магуайр, принимает решение перевести данный отрывок, используя соответствия, зафиксированные в словарях, и сохранив синтаксический строй предложения. Эти переводы можно отнести к эквивалентности пятого уровня: наблюдается высокая степень параллелизма в структурной организации текстов, сопоставимость лексического состава, сохраняются все основные частей содержания оригинала в переводе.

(6) Дома он говорил очень мало и большею частию размышлял и думал, но о чем он думал, тоже разве Богу было известно. (О Манилове, стр. 53)

Перевод примера (6) Ч.Дж. Хогартом: «...he spoke little, and spent the greater part of his time in meditation — though God only knows what that meditation comprised!». Вариант И.Ф. Хэпгуд: «...he said very little, and was mostly occupied in thought and meditation; but the subject of his thoughts was probably known to God alone» (ИИ, 23). Р. Магуайр предлагает такой перевод: «...he spoke very little, and for the most part cogitated and pondered, but what he pondered was also known only to God» (RM, 25).

Перевод Р. Магуайра является самым близким к оригиналу: лексический состав сопоставим, структурная организация одинаковая. Ч.Дж. Хогарт и И.Ф. Хэпгуд отходят дальше от оригинала в переводе: Ч.Дж. Хогарт заменяется синонимичные глаголы «размышлять» и «думать» одним существительным «meditation» (раздумье, размышление – LU). И.Ф. Хэпгуд также принимает решение использовать существительные («thought and meditation») на месте глаголов в оригинале. Кроме того, она, в отличие от двух других переводчиков, употребляет в начале отрывка глагол «say» («speak»

у остальных переводчиков), что добавляет дополнительный оттенок совершенности действия: кажется, что Манилов не говорил мало, а сказал мало (единожды) в какой-либо момент.

2.1.3 Лексемы, выражающие особенности описаний внешнего вида героев

18% всех примеров составляют примеры данной группы. Характеристика внешнего вида героев помогает читателю точнее воссоздать в своем воображении образ героя. Кроме того, внешний вид способен многое рассказать и о внутреннем состоянии героя. Так же, как мы при встрече и знакомстве с человеком обращаем внимание на внешность, черты и особенности, писатель, знакомя с героями, описывает его внешний вид. Именно поэтому Н.В. Гоголь довольно часто давал описание внешности при представлении героев своего романа читателю, например:

(7) Свеж он был, как кровь с молоком; здоровье, казалось, так и прыскало с лица его.
(о Ноздрева, стр. 101)

Ч.Дж. Хогарт предлагает следующий перевод примера (7): «...so fresh was his complexion that it seemed to have been compounded of blood and milk, while health danced in his every feature». Вариант И.Ф. Хэпгуд: «He was as fresh as blood and milk: heath seemed to shower from his face» (ИН, 64). Р. Магуайр дает такой перевод примера (7): «He was fresh-looking, in the very pink of condition; health seemed positively to gush from his face» (RM, 69).

Ч.Дж. Хогарт прибегает к конкретизации при переводе описания «свежести» Ноздрева: логично, что если он «весь» был «свеж», то и цвет его лица (complexion – цвет лица; состояние кожи лица – LU) был свежим (fresh). Сравнение «как кровь с молоком» было заменено на «compounded of blood and milk» – буквально «состоящее» из крови и молока. Преобразование потребовалось и для перевода сочетания «здоровье прыскало»: оно было заменено красивым авторским вариантом «health danced in every feature».

И.Ф. Хэпгуд переводит сравнение, используя прямые соответствия

(эквивалентность пятого уровня). При переводе второй части предложения она также старается максимально сохранить конструкции, использованные в оригинале, и подбирает, по-видимому, соответствие, показавшееся ей наиболее близким русскому «прыскать» – «shower» (идти, литься потоком, сыпаться – LU).

Р. Магуайр преобразовывает сравнение в дополнение «in the very pink of condition», и таким образом у читателя возникает образ здорового, цветущего, с свежим, румяным цветом лица героя (кровь с молоком – Фразеологический словарь русского литературного языка), но нет ассоциации с кровью и молоком, как в остальных вариантах. Соответствие глаголу «прыскать», выбранное переводчиком (gush – хлынуть; литься потоком; хлестать, LU), представляется нам более близким оригиналу, чем вариант И.Ф. Хэпгуд.

(8) На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приемах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства. (О Манилове, стр. 52)

Перевод примера (8) Ч.Дж. Хогартом: «...his features were not wanting in amiability, but that amiability was a quality into which there entered too much of the sugary element...». И.Ф. Хэпгуд предлагает следующий перевод: «...his features were not lacking in agreeability, but this agreeability seemed rather too much permeated with sugar...» (ИН, 23). «...the features of his face were not unpleasing, but that pleasingness seemed mixed with a large dollop of sugar...» – вариант Р. Магуайра (RM, 25).

Все три переводчика приняли решение сохранить авторское описание, поэтому «sugar» в каком-либо из вариантов присутствует во всех переводах. Кроме того, все переводчики сохранили двойное отрицание (не + глагол «лишать» с отрицательным значением) и повтор, использованные Н.В. Гоголем («...in amiability, but that amiability», «in agreeability, but this agreeability», «not unpleasing, but that pleasingness...»).

Использованное Ч.Дж. Хогартом слово «amiability» (дружелюбие,

дружелюбность, дружественное отношение; благожелательность, любезность – LU) не имеет прямого отношения ко внешности, которая описывается в данном отрывке. Переводчик скорее осуществил смысловое развитие и пришел к выводу, что общая «приятность» вида свидетельствует о дружелюбии и благожелательности. Однако при таком переводе у читателя возникает ощущение, что речь идет не о внешности, а о чертах характера. Таким образом эффект, производимый на читателя оригинала, и эффект, производимый на читателя перевода, различаются.

Выбранный И.Ф. Хэпгуд вариант «agreeability» (книжн.) приятность (особ. в обхождении) – Большой англо-русский и русско-английский словарь) близок к «amiability» Ч.Дж. Хогарта. В этом смысле вариант Р. Магуайра (unpleasing, pleasingness) ближе всего к оригиналу.

(9) Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, он ему на этот раз показался весьма похожим на средней величины медведя. (о Собакевиче, стр. 138)

Ч.Дж. Хогарт перевел сравнение из примера (9) так: «...his host exactly resembled a moderate-sized bear». «When Chichikov glanced askance at Sobakevich, it struck him that the latter looked very much like a medium-sized bear» – перевод И.Ф.Хэпгуд (ИИ, 96). «...he was struck on this occasion by his strong resemblance to a medium-size bear» (RM, 104) – вариант Р. Магуайра.

Ч.Дж. Хогарт использует слово «exactly» (в точности; точно; как раз; аккуратно; ровно – LU) в качестве соответствия «весьма», однако, на наш взгляд, «exactly» усиливает сравнение, ведь «весьма» – значит скорее «очень», а не «точно». Таким образом читателю перевода Собакевич представляется более похожим на медведя, чем читателю оригинала. Варианты И.Ф. Хэпгуд и Р. Магуайра представляются более близкими к оригиналу.

При переводе сравнения И.Ф. Хэпгуд и Р. Магуайр выбирают одинаковые прилагательные для описания размера – «medium-size». Вариант

Ч.Дж. Хогарта «moderate-sized» встречается значительно реже, но также довольно полно передает смысл сравнения, использованного в оригинале.

2.1.4 Лексемы, выражающие характеристики одежды героев

Одежда, как известно, является первым, на что мы обращаем внимание при первой встрече и знакомстве с человеком. При знакомстве читателя с героем автор обращает внимание на важные детали одежды. Характеризуя предметы одежды, автор тем самым характеризует и самого героя, а читатель получает информацию, с помощью которой он может представить образ героя наиболее ярко.

Примеры данной группы составляют 10% от всех отобранных примеров. Это самая малочисленная группа примеров. Очевидно, описание характера и внутреннего мира героев представляется автору более важным, чем описание внешнего вида. Например:

- (10) ...и лакей Петрушка, малый лет тридцати, в просторном подержанном сюртуке, как видно с барского плеча... (стр. 33)

Пример (10) был переведен Ч.Дж. Хогартом следующим образом: «...and the gentleman's valet, Petrushka — the latter a fellow of about thirty, clad in a worn, over-ample jacket which formerly had graced his master's shoulders...». И.Ф. Хэпгуд переводит отрывок так: «...and the footman Petrushka, a young fellow of thirty, in a plain, somewhat worn surtout, which had evidently come from his master's shoulders...» (ИИ, 5). Р. Магуайр предлагает следующий перевод: «... and by the man-servant Petrushka, a fellow of thirty or so, in a roomy, well-worn frock-coat, obviously off his master's back» (RM, 6).

Ч.Дж. Хогарт принимает решение поменять местами прилагательные, использованные для описания сюртука лакея Петрушки: «worn» (потёртый, изношенный, старый, обветшалый, подержанный, сносившийся – LU) в переводе занимает место перед не зафиксированным в словаре прилагательным «over-ample», которое, очевидно, было образовано самим

переводчиком при помощи соединения предлога *over* и прилагательного *ample* (богатый, изобильный, обильный просторный; обширный – LU). Остается неясным, зачем переводчику понадобилось добавлять предлог к прилагательному, которое включает в себя нужную сему (просторный). Можно предположить, что это было сделано для усиления эффекта, производимого на читателя, однако в этом случае переводы нельзя считать полностью эквивалентными. При переводе следующей характеристики сюртука Ч.Дж.Хогарт прибегает к трансформации и изменяет конструкцию оригинала в переводе на другую, более привычную англоговорящему читателю.

И.Ф.Хэпгуд выбирает прилагательное «*plain*» для перевода русского «просторный», но «*plain*» имеет значение «простой, обыкновенный, незамысловатый, скромный» (LU). К сожалению, можно предположить, что переводчица приняла прилагательное «просторный» за прилагательное «простой». «С барского плеча», т.е. «принадлежавший другому, ношенный другим» (Фразеологический словарь русского литературного языка) переводчик переводит буквально, т.е. сохраняет форму оригинала, обеспечивая при этом формальную эквивалентность.

Р.Магуайр использует в переводе словарные соответствия прилагательных «простой» и «подержанный» – «*goomy*» и «*well-worn*». Перевод «*off his master's back*» отсылает нас к английской идиоме «*give (someone) the shirt off one's back*», которая имеет значение «быть очень щедрым, быть готовым отдать последнее, отдать последнюю рубашку» (Универсальный русско-английский словарь). Этот перевод выражения «с барского плеча» обеспечивает сравнительно одинаковое воздействие перевода на читателя и представляется наиболее близким к оригиналу.

Рассмотрим следующий пример и его переводы:

- (11) Одна была такая разодетая, рюши на ней, и трюши, и черт знает чего не

было... (стр 104, Ноздрев о неизвестной даме)

Перевод примера (11) Ч.Дж. Хогартом: «...there was a woman — decolletee, and such a swell!». Вариант И.Ф. Хэпгуд: «There was such a woman at one of them, so little dressed in ruches and fallals, and the deuce knows what!...» (IH, 67). Р. Магуайр предлагает следующий перевод: «There was one creature all dolled up in rooches and trooches* and the Devil knows what else...» (RM, 72). Кроме того, переводчик дает пояснение: * rooches and trooches: a ruche is a pleated, or gathered fabric strip used to trim ladies' clothes. Nozdryov has probably heard this French word from fashion-conscious women without understanding it; hence the mocking, non-existent «trooches».

Перевод Ч.Дж. Хогарта, по-видимому, представляет собой пример эквивалентности третьего уровня – он передает одинаковую цель коммуникации, но при этом отсутствует параллелизм лексического состава и синтаксической структуры. Русское «разодетая, рюши на ней, и трюши» не представляется возможным связать с вариантом «decolletee, and such a swell» отношениями синтаксической трансформации. Использование французского «decolletee» является неким домыслом переводчика, т.к. в оригинале не идет речи о ком-либо «декольтированном, с глубоким вырезом» (decolletee – LU).

В своем переводе И.Ф. Хэпгуд старается сохранить синтаксические связи оригинального текста, наблюдается параллелизм лексического состава. Однако использование наречия «little» меняет смысл текста в переводе: «разодетый» – очень нарядно одетый (Толковый словарь Ушакова), а вариант «so little dressed» наводит на мысли о том, что неизвестная дама была «недостаточно» одета. Переводчик также приняла решение не сохранять существительное «трюши», которое Ноздрев, видимо, «придумал» сам. Нужно отметить, что само использование Ноздревым подобных слов служит характеристикой данному герою. И.Ф. Хэпгуд использует генерализацию – общее существительное «fallal» (украшение, блестящая безделушка – LU) заменяет конкретное украшение – рюши.

Перевод Р. Магуайра является самым близким к оригиналу. Пояснение переводчика позволяет сохранить авторский прием, помогая англоговорящему читателю лучше понять мысль автора. Синтаксические структуры оригинала в переводе сохраняются не полностью, но сохранение в переводе цели коммуникации такой перевод обеспечивает полностью.

(12) ...вошла хозяйка, дама весьма высокая, в чепце с лентами, перекрашенными домашнею краскою. (о жене Собакевича, Феодулии Ивановне, 140)

Ч.Дж. Хогарт предлагает следующий вариант перевода примера (12): «... there entered the hostess — a tall lady in a cap adorned with ribands of domestic colouring and manufacture». «...the hostess came in – a tall lady in a cap with ribbons, which had been dyed with home-made dye», - перевод И.Ф. Хэпгуд. (ИИ, 98) «...in came the hostess, a very tall lady wearing a cap with home-dyed ribbons» – вариант Р. Магуайра (RM, 105).

Тот факт, что Феодулия Ивановна красила ленты чепца самостоятельно, показывает, что она была хозяйственной, практичной и домовитой. При переводе примера (12) Ч.Дж. Хэпгуд развивает мысль автора и дополняет собственными выводами: в его переводе жена Собакевича украшала (adorn) чепец лентами, которые были не только перекрашены в домашних условиях, но и изготовлены (manufacture – производство; изготовление; обработка – LU). Из-за использования данных лексем оригинальный текст и перевод нельзя назвать эквивалентными.

И.Ф. Хэпгуд и Р. Магуайр сохраняют в переводах синтаксическую структуру оригинала и используют зафиксированные в словарях соответствия.

2.1.5 Лексемы, выражающие особенности описаний быта героев

Описывать героя возможно не только предоставляя прямые характеристики: как известно, окружающие предметы, внутреннее убранство и различные детали быта могут рассказать очень многое о каком-либо герое. Автор

описывает обстановку и состояние жилья героев, обращает внимание на некоторые особенности предметов, принадлежащих героям. Все это составляет непрямую характеристику героев. Таким образом, описание быта дает возможность читателю самому прийти к определенным выводам о личности того или иного героя.

Примеры данной группы составляют 12%. Это одна из самых малочисленных групп примеров. Как и описанию внешнего вида, описанию быта уделяется не так много внимания, как, например, описанию характера и поведения. Вероятно, автор прибегает к таким характеристикам как к дополнительному, не основному способу описания героев произведения. Например:

- (13) В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на четырнадцатой странице, которую он постоянно читал уже два года. (О Манилове, стр. 53)

Ч.Дж. Хогарт предлагает такой перевод примера (13): «...there lay in his study a book with the fourteenth page permanently turned down. It was a book which he had been reading for the past two years!». «Some book or other was always lying in his study, with a book-mark at the fourteenth page, which he had been reading constantly for the last two years» – перевод И.Ф. Хэпгуд (ИН, 24). «In his study some book or other was always lying around, a marker inserted at page fourteen, which he had been constantly reading for two years now» – вариант Р. Магуайра (RM, 26).

Перевод примера (13) Ч.Дж. Хогартом – один из немногих примеров, когда переводчик решил разделить одно оригинальное сложное предложение на два предложения в переводе. Действительно, так перевод становится более понятным читателю, чем, например, перевод И.Ф. Хэпгуд, где сложная синтаксическая конструкция препятствует легкому восприятию и пониманию смысла. Определение «какая-то» переводчик передает неопределенным артиклем, что помогает в переводе в полном объеме передать значение

оригинала. Нужно отметить, что Ч.Дж. Хогарт приложил все усилия, чтобы эффект, который производит оригинал на читателя, и эффект, который производит перевод, были идентичными: в русском тексте некая насмешка и ирония автора завуалированы. Читатель осознает, что невозможно «постоянно» читать так, чтобы при этом оставаться на одной и той же странице – Манилов явно не увлекался чтением, но хотел создавать впечатления человека читающего и образованного. В английском же вариант Ч.Дж. Хогарта внимание читателя специально обращается на этот факт. Вероятно, именно для этого переводчик преобразовал предложение и использовал восклицательный знак.

И.Ф. Хэпгуд и Р. Магуайр использовали для передачи словосочетания «какая-то книга» сочетание «some book or the other», которое обладает дополнительным значением «та или иная», «одна или другая», в то время как в оригинале, вероятно, говорится об одной и той же книге. В переводе И.Ф. Хэпгуд наблюдается параллелизм синтаксических структур и лексического состава. Однако сохранение синтаксических структур приводит к осложнению восприятия и может привести к некоторой неясности в переводе: придаточное предложение с «which» неопытный читатель может отнести и к «book», «page» и даже «book-mark».

Перевод Р. Магуайра в целом обладает теми же характеристиками, что и перевод И.Ф. Хэпгуд: наблюдается значительный синтаксический и лексический параллелизм, что дает возможность говорить об эквивалентности пятого уровня в обоих переводах.

В примере (14) дается характеристика предмета мебели:

- (14) В доме его чего-нибудь вечно недоставало: в гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей, которая, верно, стоила весьма недешево; но на два кресла ее недоставало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочем, хозяин в продолжение нескольких лет всякий раз предостерегал своего гостя словами: «Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы». (О Манилове, стр. 53)

Ч.Дж. Хогарт переводит пример (14) следующим образом: «In general, something seemed to be wanting in the establishment. For instance, although the drawing-room was filled with beautiful furniture, and upholstered in some fine silken material which clearly had cost no inconsiderable sum, two of the chairs lacked any covering but bast, and for some years past the master had been accustomed to warn his guests with the words, “Do not sit upon these chairs; they are not yet ready for use.”

И.Ф. Хэпгуд предлагает следующий перевод: «There were forever something lacking in the house: in the drawing-room, there was some very handsome furniture, covered with an elegant silken material, which certainly must have cost a good deal; but on two of the armchairs it was missing, and they were simply covered with rugs; and for several years, the host had warned his visitors in these words: «Don`t sit down in those chairs, they are not ready yet.» (ИФ, 24).

Перевод Р. Магуайра: «In his house something was always lacking. The sitting room contained fine furniture, which was covered in a fancy silk material that must have cost quite a bit, but there had not been enough of it for two of the armchairs, and these stood there simply covered with bast-matting. Still, over the course of several years, the host would unfailingly caution every guest saying: «Don`t sit on these chairs, they`re not yet ready.» (RM, 26).

В отличие от И.Ф. Хэпгуд и Р. Магуайра, Ч.Дж. Хогарт использует глагол want (испытывать необходимость, быть нужным, требоваться – Новый большой англо-русский словарь, далее НБАРС), прибегая к приему смыслового развития: логично, что есть чего-либо в доме недоставало, то, значит, это что-то было нужным, требовалось. Кроме того, его вариант перевода слова «дом» также отличается: он использует «establishment», то есть «хозяйство, семья, дом» (НБАРС), а не привычное «house». Для перевода определения «прекрасная» он использует прямое словарное соответствие «beautiful». Однако конструкции, которые переводчик использует для описания мебели, могут затруднить восприятие читателя: «the drawing-room was filled with beautiful furniture, and upholstered in some fine silken

material...». Upholstered кажется однородным сказуемым – was filled and upholstered. Прилагательные «щегольский» и «шелковый» Ч.Дж.Хогарт переводит как «fine silken», что приводит к потере части значения слова «щегольский» – модный, франтовский (Новый объяснительный словарь синонимов русского языка). Определение «простой» (о рогоже) было в переводе опущено. Переводчик меняет структуру предложения, описывая тот факт, что дорогой шелковой материи не хватило на два кресла: в переводе описывается сам факт, что два кресла не были обтянуты тканью, но не показывается, что, скорее всего, эти два кресла никогда не будут «готовы».

И.Ф. Хэпгуд переводит определение «прекрасная» прилагательным «handsome», используя его для характеристики мебели. Наречие «недешево» в переводе И.Ф. Хэпгуд передается сочетанием «a good deal» – значительное количество, много (НБАРС). В данном переводе материя на двух креслах «was missing», т.е. ее не доставало, отсутствовала (НБАРС). Таким образом у читателя создается ошибочное впечатление, что она куда-либо пропала, и хозяин рассчитывает найти ее. Определение «простой» (о рогоже) в переводе скорее относится к тому способу, как были обтянуты кресла – «simply covered with rugs». Нужно отметить, что использование «rug» в качестве перевода слова «рогожа» является самостоятельным авторским решением: словарь определяет rug как «ковер, коврик, плед» (НБАРС).

Р. Магуайр переводит прилагательное «прекрасная» словом «fine» – «хорошего качества, хороший, прекрасный, изящный» (НБАРС). Такой перевод представляется более близким к оригиналу, чем перевод Ч.Дж. Хогарта (beautiful), так как подразумевает не только внешние характеристики, но и качество, свойства, что важно для характеристики Манилова: герой выбирал «прекрасные» вещи, но из-за скупости или лени (автор предоставляет читателю возможность «додумать») он не мог позволить себе иметь все, что хотелось. Перевод Р. Магуайра – единственный перевод, где полностью передается значение оригинала. Читатель данного фрагмента перевода, как и читатель оригинала, понимает, что дорогой шелковой ткани

не хватило на два кресла (had not been enough).

- (15) В один мешочек отбирают всё целковики, в другой полтиннички, в третий четвертачки, хотя с виду и кажется, будто бы в комодe ничего нет, кроме белья, да ночных кофточек, да нитяных моточков, да распоротого салoпа, имеющего потом обратиться в платье, если старое как-нибудь прогорит во время печения праздничных лепешек со всякими пряженцами или поизотрется само собою. (о Коробочке, стр. 78)

Перевод примера (15) Ч.Дж. Хогартом: «Into one purse they will stuff rouble pieces, into another half roubles, and into a third tchetvertachki¹³, although from their mien you would suppose that the cupboard contained only linen...and the piece of shabby material which is destined — should the old gown become scorched during the baking of holiday cakes and other dainties, or should it fall into pieces of itself — to become converted into a new dress». Переводчик дает пояснение: ¹³ Pieces equal in value to twenty-five kopecks (a quarter of a rouble).

Вариант И.Ф. Хэпгуд: «In one bag, they will put all their silver roubles; in another, the half-roubles; in a third, the twenty-five kopek pieces – although, to all appearance, there is nothing in the commode but linen, and ...a cloak which has been ripped up, with the intention of converting it into a gown; and if it is old, it has been burned during the cooking of holiday pancakes, with all sorts of pastry, or it has simply worn out of itself» (ИФ, 45). Р. Магуайр предлагает следующий перевод: «In one little bag they put only the one-rouble coins, in another, the nice shiny fifty-kopeck pieces, in a third, the twenty-five kopeck ones, although at first glance it appears that there is nothing in the chest of drawers except linen, ... and a woman`s coat ripped apart at the seams, which is later to be turned into a dress if holes should somehow be burned in the old one during the frying of fritters and all sorts of pasties on festive occasions, or if it should wear out on its own. (RM, 48)

Описывая хозяйство Коробочки, автор обращает внимание на то, как запасливая старушка умела копить «полтиннички» и «четвертачки», но при этом создавать впечатление, что хранит только вещи. Собирала Коробочка все

в «мешочки» – в переводе Ч.Дж. Хогарта «purse» (мешок, сумка – НБАРС). И.Ф. Хэпгуд и Р. Магуайр в переводе используют существительное «bag» (мешок, сумка, чемодан – НБАРС); вариант Р. Магуайра (little bag) представляется наиболее близким к оригиналу: добавление прилагательного little обеспечивает соответствие оригиналу «мешочек».

Для передачи глагола «отбирать» Ч.Дж. Хогарт использует глагол «stuff» – набивать, заполнять, начинять, переполнять. Другие переводчики обращаются к глаголу «put» – класть, положить, поставить, помещать. Вариант «put» представляется более близким к оригиналу, так как «stuff» создает впечатление богатства и жадности старушки: «набивание» мешочков деньгами предполагает наличие больших сумм денег в этих самых мешочках. А «помещать» и «складывать» деньги можно и в пустые или неполные мешочки. Так использование различных глаголов в переводе приводит к появлению различных оттенков в характеристике Коробочки: в первом случае это жадная старушка, во втором – внимательная и бережливая.

Ч.Дж. Хогарт так переводит следующий отрывок: «с виду и кажется, будто бы в комодe ничего нет» – «from their mien you would suppose...». Мы видим, что в оригинале говорится о внешнем виде того комода, где Коробочка хранила вещи и деньги. Это важная деталь: внутренняя обстановка дома Коробочки создавала впечатление, что хозяйка дома небогата – комоды выглядели так, будто в них ничего, кроме одежды и вещей. В переводе Ч.Дж. Хогарта используется местоимение «their» и существительное «mien» (внешний вид, мина, вид, наружность – НБАРС), и, таким образом, создается впечатление, что комодов было несколько, а общее «с виду» сужается до конкретного «from their mien».

И.Ф. Хэпгуд и Р. Магуайр используют более общие выражения «to all appearance» (судя по всему, по-видимому – НБАРС) и «at first glance» (с одного взгляда, с первого взгляда – НБАРС).

Для перевода названия предмета одежды – салопы – Ч.Дж. Хогарт использует сочетание «piece of shabby material» (shabby – потертый,

потрепанный, поношенный – НБАРС). В оригинале салоп «распоротый», но переводчик не говорит о том, что раньше это был предмет одежды, мы видим лишь какой-либо отрезок потертой материи. Таким образом, читатель оригинала может сделать вывод, что хозяйственная Коробочка хранила старые вещи и умела распарывать, в то время как читатель перевода может лишь понять, что старушка хранила старые, износившиеся отрезки материи.

В перевод отрывка про салоп И.Ф. Хэпгуд использует сложные синтаксические структуры, которые затрудняют понимание. Она описывает распоротый салоп – «the cloak which has been ripped up», однако затем вводит предложение «if it is old, it has been burned...», создавая впечатление, что именно этот распоротый салоп пригорел (что не соответствует оригиналу).

Р. Магуайр использует добавление и уточняет, что салоп был распорот по швам – «a woman`s coat ripped apart at the seams» (seam – шов, рубец – НБАРС). Вариант Р. Магуайра представляется самым близким к оригиналу и понятным для читателя перевода – в нем отсутствуют сложные синтаксические конструкции, осложняющие понимание и неточности. Можно говорить о четвертом уровне эквивалентности, так как наблюдаются значительный параллелизм как лексических, так и синтаксических конструкций.

2.2 Обобщение результатов проведенного анализа

Во второй главы мы рассмотрели примеры характеристики героев романа «Мертвые души» при помощи различных лексических средств и их переводы на английский язык, выполненные разными переводчиками. Проведя анализ примеров, можно отметить, что все приведенные характеристики играют важную роль в раскрытии образов персонажей, а, значит, и в раскрытии замысла Н.В. Гоголя.

В процессе перевода Ч.Дж. Хогарт, И.Ф. Хэпгуд и Р. Магуайр использовали все основные типы преобразований, рассмотренные Л.С. Бархударовым: перестановки, замены, добавления и опущения. Особенно часто переводчики

обращались к использованию приемов при переводе авторских образований и русских слов, не имеющих прямых словарных соответствий.

Переводы, выполненные Чарльзом Джеймсом Хогартом, Изабель Флоренс Хэпгуд и Робертом Магуайром, обеспечивают передачу приведенных описаний характера, поведения, внешнего вида героев, одежды и быта героев на английский язык, однако, как можно заметить, точность и эквивалентность переводов может варьироваться от примера к примеру. Отдать предпочтение какому-либо из трех переводов не представляется возможным, так как и Ч.Дж. Хогарт, и И.Ф. Хэпгуд, и Р. Магуайр, допуская неточности в переводе одних характеристик, предоставляли точные и верные переводы других описаний. Однако следует отметить, что именно ошибок меньше всего наблюдалось в переводе Р. Магуайра. В целом, можно прийти к выводу, что все три перевода романа на английский язык обеспечивают достаточный уровень эквивалентности передачи средств характеристики героев произведения.

Выводы по главе 2

На основе исследованного материала можно сделать следующие выводы:

1. Н.В. Гоголь использует целый ряд различных лексических средств для описания героев романа «Мертвые души». В целом, переводы, выполненные Чарльзом Джеймсом Хогартом, Изабель Флоренс Хэпгуд и Робертом Магуайром, передают лексические средства русского языка, обеспечивая схожесть эффекта, который производит на русского читателя чтение оригинала, и эффекта, который на носителя английского языка чтение переводов.
2. Н.В. Гоголь приводит характеристики героев, описывая самые разные аспекты. Автор описывает черты характера, поведение героев, внешний вид, одежду героев и детали быта. При этом наибольшее внимание он уделяет описанию характера и поведения. Вероятно, такие характеристики представляются автору наиболее важными для создания полного и яркого образа героев произведения.
3. Характеристики Н.В. Гоголя играют важнейшую роль в раскрытии персонажей, однако автор не всегда прямолинеен: иногда он вкладывает описания в речь других героев, предоставляя читателю возможность самостоятельно сделать вывод о том, правдивы ли такие оценки или нет. Количество авторских характеристик существенно превышает количество характеристик героев, которые даются им другими персонажами. Можно говорить о том, что автора стоит считать полноценным героем: в данном произведении авторский голос отчетливо звучит на каждой странице романа.
4. Характеристики героев, которые автор приводит сам, помогают в раскрытии авторской точки зрения. В случае же, когда писатель приводит мнение одного персонажа о другом, читатель обнаруживает более эмоциональную характеристику, которая дает понять многое не только о характеризуемом, но и о том, кто дает характеристику.

5. В ходе исследования материала встретились переводы, обеспечивающие все пять уровней эквивалентности (по теории уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова). Примечательно, что преобладающее количество примеров составляют примеры, которые можно отнести к четвертому и пятому типам эквивалентности. Кроме того, при исследовании примеров, встретились оба вида эквивалентности (по характеристике Ю. Найды): формальная и динамическая эквивалентность. Примеров, обеспечивающих формальную эквивалентность, оказалось значительно меньше, чем примеров, обеспечивающих динамическую эквивалентность. Вероятно, это объясняется тем, что главной задачей переводчиков было обеспечить равенство воздействия переводов на читателя, а не только возможность сопоставления текстов на разных языках.
6. Количество ошибок, встретившихся в переводах, и ситуаций, когда переводчику не удалось обеспечить эквивалентность переводов, невелико. В основном ошибки появлялись вследствие подбора неточного и неверного эквивалента, кроме того, был выявлен случай, где, по-видимому, ошибка в переводе появилась благодаря неверному прочтению слова в оригинале. Необходимо отметить, что в большинстве случаев ошибки встречались в переводе Ч.Дж. Хогарта и И.Ф. Хэпгуд, в то время как перевод Роберта Магуайра отличался наибольшей точностью.
7. Анализ корпуса примеров показал, что наиболее часто для характеристики героев Н.В. Гоголь использовал различные прилагательные. Кроме того, автор часто описывал героев, прибегая к использованию существительных, глаголов, реже – к использованию наречий, причастий и деепричастий. Наиболее частым способом перевода является сохранение части речи и подбор словарного соответствия. В случае невозможности использования той же части речи, что и в оригинале, переводчики меняли часть речи (например, для

перевода существительных использовались прилагательные или для перевода наречий использовались существительные). Нужно также отметить, что часто в таких случаях переводчики использовали различные словосочетания, прибегали к описательному переводу.

Заключение

В настоящей работе была предпринята попытка рассмотреть особенности употребления и перевода различных лексем, используемых для характеристики героев в романе Н.В. Гоголя «Мертвые души». Характеристики героев играют очень важную роль в любом произведении, так как помогают в передаче авторского смысла. Описывая различные черты и качества, Н.В. Гоголь дает возможность читателю наиболее полно представить героев романа и различные ситуации, которые рассматриваются в произведении.

Правильный и верный перевод позволяет обеспечить понимание и схожесть воздействия оригинала и переводов на читателей. Достижение такой эквивалентной степени воздействия особенно важно при переводе примеров классической русской литературы, ведь именно к ним чаще всего обращаются зарубежные читатели в попытке понять и изучить русскую культуру. Роман «Мертвые души», без сомнения, является один из самых важных произведений русской литературы, к нему обращаются многие англоговорящие читатели, желающие приобщиться к русской культуре.

Для достижения поставленной цели – рассмотрение лексических средств описания героев в романе и их переводов – в работе было проведено исследование теоретического материала по данной теме и практический анализ отобранных примеров и их переводов. В результате было выявлено, что Н.В. Гоголем в романе используется целый ряд различных лексических средств, причем больше всего приводится характеристик особенностей черт характера и поведения, реже встречаются описания внешнего вида, одежды и быта героев. Вероятно, это происходит из-за особой важности именно описаний внутреннего мира героев и черт их поведения. Внешние характеристики при этом уходят на второй план, но не теряют своей важности.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что в целом, переводчики

(Чарльз Джеймс Хогарт, Изабель Флоренс Хэпгуд и Роберт Магуайр) в своих вариантах перевода данного произведения обеспечивают схожесть эффектов, производимых на читателя романа на русском языке и на англоговорящего читателя, который пользуется одним из переводов. Конечно, нельзя говорить о совершенной точности переводов, но можно утверждать, что все три перевода обеспечивают высокий уровень общей эквивалентности. Такая степень эквивалентности дает возможность англоговорящему читателю понять важные детали произведения, что поможет в общем понимании замысла автора романа.

Список литературы

1. Апресян. Ю.Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М., 2002.
3. Арнольд И.В. Функции коннотативных компонентов значений в поэтическом тексте // Структура и семантика предложения и текста в германских языках. Межвуз. Сб. Научн. Тр. ЛГПИ им. А. И. Герцена, Л. 1989.
4. Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования (на материале имени существительного). Л., 1966.
5. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
6. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
7. Балли, Ш. Французская стилистика. М., 1961.
8. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М, 1975.
9. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: Учебник / Под редакцией Н.С. Валгиной. М., 2002.
10. Виноградов В.В. Избранные труды. М., 1978.
11. Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» // Вопросы языкознания. 1986. № 5.
12. Вольф, Е.М. Грамматика и семантика прилагательного М., 1978.
13. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
14. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию 60-летию В.В.Виноградова. Под ред. А.И.Ефимова. М., 1958.
15. Джеймс К. Контрастивный анализ. Перевод с английского Н. А. Лауфер // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы / сост. В. П. Нерознака; под ред. В. Г. Гака. М., 1989.
16. Звегинцев В.А. Семасиология. М., 1957.
17. Ивин А.А. Основание логики оценок. М., 1970.
18. Казакова 2000 Казакова Т. А. Практические основы перевода. English <=> Russian. СПб., 2001.
19. Керквуд Г.В.. Перевод как основа контрастивного лингвистического

- анализа. Перевод с английского О. И. Романовой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXУ. М., 1989.
20. Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур. Перевод с английского В. А. Виноградова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы / сост. В. П. Нерознака; под ред. В. Г. Гака. М., 1989.
21. Латышев Л.К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. М., 1986.
22. Лукьянова Н.Н. Лингвистическая интерпретация текста как способ моделирования фрагмента языковой картины мира. Барнаул, 2000.
23. Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. М., 1974.
24. Никитин М.В. Лексическое значение слова. М., 1983.
25. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996.
26. Силинский С.В. Речевая вариативность слова / на материале английских имен лица. СПб., 1995.
27. Сэпир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.
28. Тарасов А.М. Семантика и функционирование прилагательных в народных приметах русского и татарского языков : Дис. канд. филол. наук. Казань, 2004.
29. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц. М., 1986.
30. Уорф Б.Л. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление). Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
31. Уфимцева, А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
32. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» (сборник статей). М., 1975.
33. Jünger G. Translation und Translations. Halle (Saale), 1975.
34. Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung. Leipzig, 1980.
35. Newmark P. Approaches to Translation. Oxford, 1981.

36. Nida E. *Toward a Science of Translating*. Leiden, 1964.
37. Reiss K. *Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik*. München, 1971.
38. Reiss K., Vermeer H.J. *Grundlagen einer allgemeinen Translationstheorie*. Tübingen, 1984.
39. Wilss W. *Übersetzungswissenschaft: Probleme und Methoden*. Stuttgart, 1977.

Источники примеров

40. Гоголь Н.В. *Мертвые души*. СПб., 2014.
41. Gogol N. *Dead Souls*. tr. from rus. Robert A. Maguire, 2004.
42. Gogol N. *Dead Souls*. tr. from rus. C. J. Horagth [Digital resource]// Режим доступа: <https://ebooks.adelaide.edu.au/g/gogol/nikolai/g61d/complete.html> (20.01.2016)
43. Gogol N. *Chichikov`s Journeys or Dead Souls*. tr. from rus. Isabel F. Hargood, 2010.

Список словарей

1. Абрамов Н. *Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений*. М., 1999.
2. Апресян Ю.Д. *Новый большой англо-русский словарь*. М., 1999.
3. Михельсон М.И. *Большой толково-фразеологический словарь* М., 2004. (на основе трудов М. И. Михельсона, изданных в 1896—1912 гг., в совр. орф.)
4. Мюллер В.К. *Большой англо-русский и русско-английский словарь*. Новая редакция. М., 2010.
5. *Словарь АВВУУ LingvoUniversal* [Электронный ресурс]// Режим доступа: <http://www.lingvo-online.ru/ru> (12.03.2016)
6. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э. и др. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Справочное издание. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2003.
7. *Толковый словарь русского языка* / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М., 1935-1940 (4 т.)
8. *Универсальный русско-английский словарь Polyglossum* [Электронный

- ресурс]// Режим доступа: http://universal_en_ru.academic.ru (13.03.2016)
9. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.